

Совершенно инстинктивно я на-
чалъ стараться уловить какой-нибудь

дети к наслоению податных тягостей и может повести к оскудению источников народных достатков. В свое время мы постараемся подвергнуть обсуждению мѣры, которыя будут предложены для устранения грозящего дефицита. Но да позволено будет теперь высказаться, что финансовое положение страны обуславливается разнообразными причинами, что вопрос о равновесии бюджета и о дефицитѣ не столько вопрос финансовъ, сколько вопрос политики и что, следовательно, средствъ для водворения равновѣсія, для упорядочения финансового положения было бы слишкомъ односторонне искать въ узко финансовой сферѣ, сводить все дѣло къ усиленному давлению фискальнаго прѣсса. Мы не отрицаемъ, что такія финансовыя мѣры, какъ возвышеніе акциза съ табаку, благодаря которому население должно будетъ платить дороже за такой же табакъ или довольствоваться худшимъ табакомъ, возвышеніе таможенныхъ сборовъ, что, между прочимъ, сводится къ затрудненію чаепитія и возвышенію цѣны желѣза, — не отрицаемъ, что эти и подобныя мѣры, быть можетъ, и помогутъ свести концы съ концами въ бюджетѣ будущаго года. Но было бы наивно думать, что могутъ спасти и надолго застраховать отъ дефицита болѣе горькія табачныя дымы, затрудненіе чаепитія, водоросланіе желѣза и т. п. огорченія обывателя-плательщика налоговъ.

Финансовое положеніе страны, его платность и его прочность определяются многими причинами; на эти причины и надо дѣйствовать, когда задаются мыслями объ улучшеніи этого положенія. На первомъ планѣ здѣсь оказывается экономическій бытъ страны. Обильность и легкость поступленія государственныхъ доходовъ зависятъ отъ хозяйственнаго развитія страны и отъ принаровленности государственныхъ доходовъ къ ея хозяйственнымъ условіямъ. Понятно, мы оставляемъ далеко въ сторонѣ суть дѣла, когда занимаемся лишь нажимаемымъ фискальнаго прѣсса, не справляясь о томъ, на тѣ ли стороны хозяйственной жизни онъ давитъ, на которыя надлежитъ, и по-силу на давить. Но мы впадаемъ еще въ большой грѣхъ, если при этомъ упускаемъ изъ виду другія причины, которыя оказываютъ еще болѣе могущественное вліяніе на прочность и шаткость финансовъ государства. Внѣшнее и внутреннее положеніе страны, какъ оно понимается правящими, опредѣляетъ надобности государства, диктуетъ задачи, съ которыми надо справляться... Расходы, вызываемые надобностями, отражаются на странѣ легче или тяжелѣе, вверху, смотря потому, для чего дѣлутъ эти расходы, т. е. настоятельна ли для общества дѣятельность соответствующихъ отраслей управленія и, вторыхъ, смотря потому, какъ организовано дѣло удовлетворенія различныхъ общественныхъ потребностей, т. е. дѣлается ли устройство отрасли управленія и развитіе отрасли производствъ въ нихъ расходы. Едва ли надо доказывать, что эта сторона дѣла имѣетъ первостепенную важность для финансового положенія государства. Помогутъ ли чисто финансовыя мѣры, когда, напр., безобразія желѣзнодорожнаго хозяйства съ легкостью поглотятъ (въ видѣ приплатъ по гарантіямъ) то, что съ трудомъ доставляетъ податная сила? Помогутъ ли различныя огорченія, причиняемая обывателю-плательщику налоговъ при на-

жиманіи фискальнаго прѣсса, когда безхозяйственность въ военномъ или какомъ-нибудь иномъ управленіи грозитъ миллионными приплатами? Дѣйствіе хорошей политики, и я вамъ дамъ хорошіе финансы, говорилъ одинъ французскій министръ финансовъ. Хорошая политика, хорошее внутреннее управленіе — вотъ гдѣ главный пунктъ вопроса, когда заходитъ рѣчь объ улучшеніи финансового положенія. Опытъ показываетъ, что хорошее внутреннее управленіе не въ силахъ дать бюрократія, полагающаяся на собственное разуміе, несдерживаемая и неконтролируемая общественными силами. Эта мысль получила право гражданства въ правительственныхъ сферахъ. Къ обществу, къ его поддержкѣ обращалось правительство въ различныхъ затруднительныхъ случаяхъ общественной жизни. Взятыхъ изъ среды общества соотвѣтствующихъ правительству для совѣщанія по различнымъ вопросамъ хозяйственнаго и общественнаго быта. Но не надо увлекаться частностями. Ни мѣры противъ пьянства, ни устройство переселеній, ни пониженіе выкупныхъ платежей существенно не помогутъ намъ, если мы изъ-за дребезжекъ упустимъ изъ виду тѣхъ, если, упокоившись на частныхъ улучшеніяхъ, сочтемъ возможнымъ почти отъ дѣла серьезнаго общаго улучшенія управленія. Безъ такого улучшенія мы не будемъ имѣть покоя отъ дефицита, и, пытаясь устранять ихъ, должны будемъ въ погнѣхъ принимать мѣры арифметическаго характера, возвышать разныя налоги, быть можетъ, понижая предположенія о расходахъ, забывая, что въ финансовыхъ вопросахъ дважды два по счотамъ не всегда четыре на дѣлѣ, что возвышеніе размѣра налога не всегда ведетъ къ соответствующему возвышенію поступленія и что вычитать на бумагѣ не всегда значитъ уменьшеніе въ дѣйствительности.

Земство и старозаимки.

Заглаголю, помѣщаяю эти строки, и другимъ представителямъ нашей прѣсы подымаюсь и разъясняю чрезвычайно важный вопросъ о земской адвокатурѣ. Если земство заботится о народномъ образованіи, о народномъ продовольствіи, о народной медицинѣ, то положительно ему слѣдуетъ позаботиться объ удовлетвореніи юридической потребности населенія, такъ тѣсно связанная съ хозяйствомъ. Масса нуждъ остается неудовлетворенною, тысячи злоупотребленій подкапываютъ нравственное и матеріальное существованіе крестьянъ потому только, что „не къ кому обратиться“.... Новое лицо въ деревнѣ со всѣхъ сторонъ живою осязается просьбами совѣта, просьбами помощи, заступничества.

По если организація постоянной земской адвокатуры представляется, по многимъ соображеніямъ, насущною потребностью, то организація временнаго отряда адвокатовъ для защиты старозаимочныхъ правъ нашихъ крестьянъ вызывается настоятельными требованіемъ минуты.

Въ нашей харьковской губерніи съ 1853 года оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ была переложена кадастровою комиссіей съ ревизскихъ душъ на доходы отъ земель и промысловъ. Крестьянскія старозаимочныя земли — по ошибкѣ ли, или по недознанныости, быстротѣ работъ — были при-

няты за казенныя и обложены оброкомъ. Вотъ уже почти 30 лѣтъ крестьяне платятъ этотъ оброкъ. Отдѣльные лица и нѣсколько обществъ, дѣлаю большіе издержки, уже успѣли исклѣчить свои старозаимочныя земли изъ платежа оброка и выхлопотали возвращеніе прежде уплаченной суммы. Но скоро истечетъ десятилѣтняя давность со времени выдачи владѣтельныхъ записей, когда всѣ счоты съ казенной будутъ покончены... Масса отдѣльныхъ лицъ, обществъ, хуторовъ, напрасно уплатившая большіе миллионы и уплачивающая ежегодно сотни тысячъ этого „старозаимочнаго“ оброка — переживаетъ критическій моментъ. Она можетъ освободиться отъ уплаты этого оброка, сберечь ежегодно сотни тысячъ или по прежнему уплачивать все, рокомъ определенное....

Земство, стоящее на стражѣ народныхъ интересовъ, не можетъ, не должно оставаться индифферентнымъ зрителемъ! Переживаемый историческій моментъ ставитъ передъ нимъ задачу, надъ рѣшеніемъ которой стоитъ подумать.

Крестьяне платятъ старозаимочный „оброкъ“ съ 1853 г., но ихъ права на возвращеніе этого оброка постоянно уменьшались. Сначала они могли требовать возвращенія всего уплаченнаго оброка, потомъ только той части, какую они уплатили со времени выдачи владѣтельныхъ записей, два года назадъ ихъ право ограничено было требованіемъ возврата оброка, уплаченнаго съ момента „начатія“ оброка дѣла, наконецъ, черезъ полгода появился „десятилѣтняя давность“ и, въ видѣ какого-то мифическаго чудовища, совершилъ окончательное пожирание крестьянскаго права....

Въ № 51 „Южнаго Края“ мною было сдѣлано обращеніе къ гуманнѣйшему чувству „защитниковъ правъ“, въ видѣ устранивающей „ленты“, ими назначаемой, но — скажите, развѣ не хищничество — отъ общества, имѣющаго болѣе 10,000 десятинъ старозаимочной земли, требовать по 2 руб. отъ десятины и всего оброчнаго возврата, который можетъ накопиться въ очень изрядную сумму отъ протягиванія дѣла?.. Но многія общества, хутора и лица не начинаютъ ходатайствовать еще потому, что они имѣютъ свои „дѣловскія“ понятія, среди которыхъ нѣтъ мѣста никакимъ „давностямъ“, кромѣ той, которая говоритъ, что право дѣло всегда право....

Въ декабрѣ соберется у насъ губернскаго земское собраніе, желательно, чтобы губернская управа выяснила предъ нами всю важность и настоятельность „старозаимочнаго дѣла“ и необходимо организація земской адвокатуры для защиты крестьянскихъ правъ.

В. Ивановъ.

Намъ доставлена слѣдующая замѣтка: Н. П. Калюпановъ въ сентябрьской книжкѣ журнала „Русская Мысль“, а М. Неручевъ, на основаніи указанной статьи Калюпанова, въ октябрьской книжкѣ журнала „Миръ“, помѣстили отчеты о дѣйствіяхъ комиссій экспертовъ по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, причемъ М. Неручевъ, основываясь на словахъ Н. П. Калюпанова, какъ бывшаго эксперта той комиссіи, между прочимъ, пишетъ: „ко мнѣнію большинства присоединился Г. Бекариковъ, высказавъ свое согласіе съ ея заключеніями и

приложивъ особое свое мнѣніе, которое касается хозяйственной характеристики собственно харьковской губерніи и мало относится къ тѣмъ общимъ вопросамъ, которые были поставлены на обсужденіе комиссіи“.

Сколько намъ извѣстно о дѣятельности Г. Бекарикова въ комиссіи о пониженіи выкупныхъ платежей, — въ шепотѣ слышныя слова несомнѣнно вѣрны, и Г. Неручевъ введенъ въ заблужденіе Г. Калюпановымъ. Правда, Г. Бекариковъ согласился съ окончательнымъ заключеніемъ большинства комиссіи, т. е. съ тѣмъ, чтобы пониженіе выкупныхъ платежей было сдѣлано для всѣхъ губерній и притомъ равномерно съ душевыхъ надѣловъ, но оу рѣзко разошелся съ большинствомъ комиссіи въ принципахъ и доводахъ. Такія кажущіяся двойственностью и непоследовательностью въ Г. Бекариковѣ, — несогласіе съ принципами большинства и согласіе съ окончательнымъ его выводомъ, объясняется словами самого М. Неручева, который пишетъ: „мы должны признаться, въ изложеніи Г. Калюпанова хорошенько понять не можемъ, почему именно исхода изъ такого принципа, большинство экспертовъ пришло къ своимъ дальнѣйшимъ (совершенно вѣрнымъ) соображеніямъ, такъ какъ, казалось, руководимое этимъ принципомъ, оно не обязывалось придти къ слѣдующимъ имъ заключеніямъ. Съ нашей точки зрѣнія, заявленный здѣсь принципъ (нами считаемый совершенно несправедливымъ) находится въ весьма малой связи со всѣмъ заключающимся“. Такимъ образомъ, какъ видно и изъ словъ самого М. Неручева, большинство комиссіи пришло къ заключенію, несогласному съ его принципами, почему и понятно согласіе съ этимъ заключеніемъ Г. Бекарикова, — расходинавшагося съ большинствомъ относительно принциповъ, — и если Г. Бекариковъ согласился съ „заключеніемъ“ большинства, то это не значитъ, чтобы онъ „раздѣлялъ мнѣніе“ большинства, какъ пишетъ М. Неручевъ, на основаніи словъ Н. П. Калюпанова.

Что касается до „особаго мнѣнія“, поданнаго Г. Бекариковымъ, то въ немъ нѣтъ ни единого слова, ни единой буквы, которая бы касалась „хозяйственной характеристики“ ни вообще, ни собственно харьковской губерніи, — и нѣтъ ничего, чтобы не вытекало именно изъ вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе комиссіи. Для подтвержденія этого намъ кажется достаточнымъ выдѣлить слѣдующую часть этого „особаго мнѣнія“ Г. Бекарикова: „но какъ гг. эксперты считаютъ себя въ правѣ — за которыми, впрочемъ, я этого права лично не признаю — ходатайствовать предъ правительствомъ объ исключеніи изъ положенія 19-го февраля 1861 года ст. 165, то я считаю себя обязаннымъ, по важности этой статьи, сказать еще нѣсколько словъ. Мнѣ казалось бы, что такое ходатайство должно быть основано на полномъ пересмотрѣ всего положенія о крестьянахъ, а также на соображеніяхъ дѣйствительной пользы предполагаемаго измѣненія во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ оно дѣйствуетъ. При томъ же это положеніе въ дѣлѣ всеяло въ насъ убѣжденіе, что правительство въ 1861 году смотрѣло на крестьянъ, выкупающихъ свои надѣлы, какъ на собирательную величину, и что только одною 165 статью признавало за ними не только тѣло, но и душу. Эта

лѣя всегда и во всемъ, хотя и деповую, оппозицію, служатъ прогрессу и двигаютъ впередъ цивилизацію. Они звенятъ, неоступно звенятъ и до чего нибудь дозвенятъ. Они — будильники общественного сознанія. Будильники, Будильники, Будильники застучали!... у меня въ головѣ и я вспоминалъ про свой испорченный будильникъ, который тоже звенѣлъ, звѣнѣлъ, и былъ причиною того, что я проспалъ серьезное дѣло. Я посмотрѣлъ на часы: было половина перваго ночи.

В. Wie weh! wie weh! wie weh! Geme. Вспомнившись домой, я заснулъ. Но подъ вліяніемъ всего видѣннаго и слышаннаго мой сонъ былъ тяжелъ и неровенъ... меня давила кошмаръ, точно я накурился опиуму или нался гашишу. Разница была та, что отъ опиѣ и гашиша въ отуманенномъ мозгу пробуждаются пріятныя грезы, мнѣ же грезилось все такое, съ позволенія сказать, дряннѣе, что скверно и вспоминаю. То представлялось мнѣ, что та тройка почтовыхъ, на которой мы съ „будущимъ“ вели дѣла городского самоуправленія, завязла въ какой-то бездонной, непроходимой и новылазной трясинѣ, и „будущій“, превратившись, почему то, въ урядника, хотѣлъ дѣловое вывести меня изъ болота, назойливо протягиваетъ руку къ моему локтю и безпрестанно повторяетъ: „господинъ, пожалуйте!“ То мнѣ казалось, что сорокъ калѣкъ со валикою превратились въ мертвыя, совсѣмъ мертвыя души, и

статья, вселяя въ каждого изъ крестьянъ надежду когда-либо сдѣлаться полнымъ собственникомъ, поддерживала въ нихъ энергію, заставляла усиливать трудъ, и дѣлалась чрезъ то полезною не только для каждой личности крестьянина въ отдѣльности, но и для всѣхъ вообще, — по мнѣнію моему, исключенію изъ положенія или какому-либо видоизмѣненію, ограничивающему ея смыслъ, — подлежатъ не можетъ и не должно“.

Гдѣ тутъ „хозяйственная характеристика“ собственно харьковской губерніи, мало относящаяся къ вопросамъ, обсуждавшимся комиссіей экспертовъ?

Было бы желательно, чтобы господа, сообщающіе въ журналы и газеты свѣдѣнія о дѣятельности общественныхъ дѣятелей, хотя по такимъ важнымъ вопросамъ, какъ пониженіе выкупныхъ платежей, — сообщали ихъ болѣе вѣрно, дабы не вводило общество въ заблужденіе относительно дѣятельности его представителей.

А. Телятниковъ.

Изъ современной судебной прантики.

II.

11-го мая 1873 г., послѣдовалъ, въ видѣ временнаго мѣры, Высочайшее повелѣніе: воспретить жительство и пребываніе въ столицахъ и губернскихъ городахъ всѣмъ лицамъ, какъ инородцамъ, такъ и мѣстнымъ, которыя подвергнуты судебнымъ приговорамъ лишенію всѣхъ свободъ, или лишены вѣнчательнаго сана, или состоятъ присвоенныхъ лицамъ и пренушествъ (собр. узак. № 576). Законъ не излагаетъ въ подробности тѣхъ причинъ, которыя вызвали это обнародованіе. Можно думать, что онъ имѣлъ въ виду вообще слабость человѣческой воли, склонной по преимуществу пасть тамъ, гдѣ встрѣчаются къ тому большія удобства, каковыя населенія столицъ и губернскихъ городовъ. Такимъ образомъ, высшая власть, лишивъ, лишивъ, по сути, всѣхъ свободъ, лишила только нѣкоторыхъ правъ, законъ предполагалъ отклонить ихъ отъ болѣе болѣе, непредоступающаго на каждомъ шагу въ уединеніи городовъ и селеній. Конечно, упомянутая мѣра не есть радикальная въ уничтоженіи рецидива, но она указана законодательствомъ, и потому требуетъ примѣненія къ дѣлу. Между тѣмъ, въ оныхъ подсудимыхъ, оныхъ и оныхъ, во всѣхъ судебныхъ запискахъ, являюся уже упомянутые всѣхъ свободъ, правъ, которые совершили преступленія, напримѣръ, въ Харьковѣ и другіхъ губернскихъ городахъ. Следовательно, и по лишеніи правъ, они свободно проживали въ губернскихъ городахъ вопреки закону 11-го мая 1873 г. Кто же виноватъ въ этомъ? Судъ или администрація? На этотъ вопросъ и судъ и администрація, а болѣе — судъ. Дѣло сѣе, судъ, опредѣляя въ приговорѣ послѣдствія для осужденнаго по 48, 49 и 51 ст. узак. о наказ., не упоминаетъ о послѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ закона 11-го мая 1873 г. Намъ извѣстно, что въ одномъ изъ судовъ возникъ вопросъ по этому предмету, но высшіе какого-то разногласія между судьями, остался неразрѣшеннымъ. По этой причинѣ судъ, который мы имѣемъ въ виду, и по настоянныя не указываетъ упомянутыхъ послѣдствій для осужденнаго. Мѣсто губернскаго правленія, получая приговоръ суда въ исполненіе безъ указанія на Высочайшее повелѣніе 11-го мая, вѣроятно потому и не дѣлаетъ распоряженія о послѣдствіяхъ по одному для осужденнаго. Но строго говоря, такое указаніе не представляется обязательнымъ для суда. Разъ существуетъ извѣстный законъ, — онъ, уже самъ по себѣ, становится обязательнымъ для всѣхъ тѣхъ, кого касается. Въдѣ само же губернскаго правленія, безъ сносненія съ судомъ и безъ его указанія, сокращаетъ сроки сознанія приговореннымъ въ арестатскія отдѣленія — на томъ основаніи, что по этому предмету существуетъ правительственное распоряженіе. Точно также оно могло бы поступить и по предмету воспретія жительства въ губернскихъ городахъ упомянутыхъ всѣхъ свободъ или нѣкоторыхъ правъ. Но нѣтъ сомнѣній, что если бы судъ, въ своихъ приговорахъ опредѣляя для осужденныхъ и послѣдствія на основаніи „Высочайшаго повелѣнія 11-го мая 1873 г., то губернскаго правленія, во всякомъ случаѣ, поставилось бы въ необходимость осуществитъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Осуществленіе же этихъ послѣдствій представляется крайне неудобнымъ, такъ какъ, дѣйствительно, въ судѣ — на нѣкоторыхъ мѣстахъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, которыя совершили преступленія, гдѣ не должны были проживать. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, та масса дѣлъ, которая возникаетъ и разрѣшается въ губернскихъ городахъ.

Мѣстная хроника.

На дняхъ мы были свидѣтелями возмущающаго душу зрѣлища. На мѣстной товарной станціи „Харьковъ“, харь-

ково-николаевской желѣзной дороги, на пятомъ пути стоялъ для разгрузки вагоновъ съ дѣломъ, передъ выгрузкой рабочихъ поставилъ лошадей около вагоновъ, предупредивъ машиниста, чтобы онъ обождалъ дѣлать маневры на этомъ пути. Но машинистъ безъ предварительнаго сигналаго свистка, не обративъ вниманія на заявленія, и подавая маневрировавшіе вагоны, сильно толкнувъ выгружаемый вагонъ, вслѣдствіе чего тѣлѣ съ лошадью перевернулись и у лошади были раздавлены оба задніе ноги. Жертвой подобной же небрежности на дняхъ сдѣлался товарный кондукторъ Поповъ, который, идя по рельсамъ, набрасывая веревку на готовившіяся къ отправленію товарный поѣзды, зная заранѣе, что маневровъ на этомъ пути не будетъ; но выпло иначе: вышедшій безъ сигналаго свистка паровозъ, сваливши несчастнаго, раздавилъ ему обѣ ноги; страдалецъ чрезъ 8 часовъ умеръ. Желательно бы было, чтобы желѣзно-дорожная администрація слѣдила съ большимъ вниманіемъ за точнымъ исполненіемъ инструкцій машинистами, которые обязаны подавать свистки при каждомъ движеніи паровоза во время маневровъ.

16-го ноября было засѣданіе харьковскаго фармацевтическаго общества. Согласно недавно утвержденному уставу его, общество это въ дѣятельности своей преслѣдуетъ 2 цѣли: вспоможеніе обѣимъ фармацевтамъ въ городѣ Харьковѣ и разработку нѣкоторыхъ научныхъ вопросовъ по аптечному дѣлу. Въ настоящее время фармацевтическое общество еще не богато средствами, которыхъ едва хватаетъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей; оныхъ нѣкоторыхъ недостатковъ заключается въ отсутствіи постоянного помѣщенія для засѣданій, что, впрочемъ, не мѣшаетъ послѣднимъ отличаться обиліемъ докладовъ дѣятельныхъ членовъ общества.

Намъ сообщаютъ, что въ настоящее время на воспитаніи харьковскаго общества призрѣны безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ находится всего 865 дѣтей, изъ которыхъ 7 содержится въ пріютахъ, а остальные въ деревняхъ.

Въ началѣ декабря мѣсяца, какъ мы слышали, отдѣленіе харьковской судебной палаты выѣдетъ въ Новочеркасскъ, гдѣ, 19-го и 21-го декабря, откроетъ свои засѣданія, съ участіемъ гг. сословныхъ представителей, для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, согласно закону 9-го мая 1878 года.

Въ понедѣльникъ, 23-го ноября, въ аудиторіи № 1, доцентъ университета Г. В. Даневскій, по возвращеніи изъ заграницы командировки будетъ читать вступительную лекцію. Мы постараемся передать нашимъ читателямъ ея содержаніе.

Сегодня, въ 12 часовъ дня, состоялось торжественный актъ въ 1-й харьковской женской гимназіи.

10-го декабря, въ присутствіи харьковскаго окружнаго артиллерійскаго управленія, будутъ производиться торги на поставку для отбѣла огнестрѣльныхъ припасовъ окружнаго артиллерійскаго склада разныхъ матеріаловъ и предметовъ на 1882 годъ; всего по справочнымъ цѣнамъ на сумму 4,075 р. 54 коп.

порядокъ во всей этой сумятицѣ мыслей и отыскать хотъ какую-нибудь законосообразную послѣдовательность; но все было тщетно. Изъ моихъ стараній ничего не выходило, всѣ мои усилія пропадали совершенно даромъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ вдругъ припомнились стихи изъ гейнесскаго Атта Троля:

На землѣ всего страшнѣе
Ссора съ гадливою мелкой,
Защипающей вонюю.
Да! дуться съ клопомъ опасна!
Непосредственно за клопомъ откуда
являлся картина изъ балета „Конекъ Горбунчикъ“. Популярная на Руси третій братъ Иванушка танцуетъ самый отчаянный и бесстыдный канканъ.... Кто-то говоритъ: „важно!“ кто-то говоритъ: „срамота!“ Цицеронъ говоритъ: Quousque tandem, Catilina abutere patientia nostra.... Югургинская война.... Война мышей и лягушекъ.... Книга доктора Эрисмана объ удаленіи нечистотъ.... То мнѣ приходило на память Горацій:

Крылато-вороную, заносчивую рѣчь...
То.... Вдругъ въ мозгу звонко и отчетливо заколотилось слово: помни, помни, помни.... вслѣдствіе чего пришло на память, что для сливанія нечистотъ отбрасываютъ мѣста за городскою чертою и что нельзя позволять выливать ихъ въ жилищъ общественныхъ помѣщеніяхъ.... Въ балаганѣхъ тоже не хорошо пахнетъ.... Тутъ я вспомнилъ нашего соотечественника Петрушку, который во время масляничнаго балаганничаетъ для утѣшенія публики и въ совершенствѣ

исполняетъ трудную роль общественнаго дурака, затѣмъ.... Здѣсь, затѣмъ, уже была извѣстная логика... затѣмъ мнѣ припомнилась другой чичиковскій Петрушка, читающій какую-то толстую претолстую тетрадь ни для чего иного, какъ для одного только процесса чтенія; потомъ припомнилось, что-то такое толстое, толстое — но совершенно безсловесное и, затѣмъ, снова третій Петрушка, но уже не чичиковскій, молчаливый, а какой-то злой Петрушка, злоупотребляющій даромъ слова и говорившій, говорящій.... Потомъ явился мысль: всѣ герои страдаютъ за правду и невольно подымаюсь вопросъ: за что же я то страдаю.... Чьи-то стонъ.... — это „стонъ наболѣвшаго сердца“... помни, помни, помни, заколотилось опять гдѣ-то въ дальнемъ углу головы, а въ другомъ точно случились молоточки: особое мнѣніе, особое мнѣніе, особое мнѣніе.... Тыфу пропастъ, да брысь же ты, наконецъ!.... Затѣмъ, вдругъ фантазія выдвинула гоголевскаго приказчика-бабу который отъ чего-то отпѣивается и, не признавая себя ни въ чемъ виновнымъ, говоритъ слѣдующую рѣчь: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, я не я, лошадь не моя и я не извозчикъ. Сами, говоритъ знаете, какой по новѣйшему времени сталъ народъ; правую у меня никакихъ нѣтъ, инструкція моя, можно сказать, самая поганая, хата моя съ краю, ничего я не знаю! Знаю только одно, что до смерти мнѣ служить хочется!“
Вы видите сами, что это былъ пѣлый сумасшедшій домъ, настоящая Сабурова дача. Я хорошо помню, что

однимъ изъ послѣднихъ членовъ этой вереницы безсвязныхъ ощущеній была картина, которую я нигдѣ не могъ видѣть и ни отъ кого не могъ о ней слышать. Много народа, какой-то споръ; одинъ требуетъ, чтобы въ какой-то залѣ засѣданій была вывѣшена, для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, доска съ надписью крупными буквами: „Здѣсь астанаваиватца восприцаетца“. Кто-то не соглашается и требуетъ, чтобы было непременно добавлено слово „строга“ восприцаетца. Шумъ, толоса, закрытая баллотировка и рѣшеніе большинства выкинуть слово „строга“ изъ употребленія за необходимость....

Стучи теперь въ ту дверь...
Откуда разумъ выпустится....

А я все бѣжалъ и бѣжалъ....
Виноватыя....

Ничего, сдѣлайте одолженіе!...
А чуть было не спибъ съ ногъ двухъ какихъ-то господъ, шедшихъ мнѣ на встрѣчу, — и опомнися; этотъ толчокъ отрезвилъ меня и вернулъ къ дѣйствительности. Я отбѣжалъ очень далеко отъ дому. Повернувшись назадъ, я пошолъ за двумя незнакомцами. Они вели оживленный разговоръ.

Хоть поганю баба танцуетъ, та доволъ, сказала хладнокровно одинъ и слыноуѣ въ сторону. Другой горячо ему возражалъ....
Нѣтъ, какъ хотите, говорилъ онъ, но подобные люди безусловно полезны. Они тормозятъ общество, они не даютъ заснуть городу, они, состав-

что эти мертвыя души собрались на совѣщаніе думать думушку добрую и совѣтывать совѣты хорошіе, но дѣло у нихъ не клеилось, потому что, по несчастному стеченію обстоятельствъ, предсѣдателемъ у нихъ была баба. Елизаветъ Воробей, та самая баба, за которую Чичиковъ упрекалъ Собакевича; то передъ моими глазами поднимался образъ честной вдовы Офимы Александровны, которая ведетъ пороть своего глупаго Иванушку, и откуда-то слышались чьи-то горькія, глухія рыданія:

По закону была родна матушка, а по закону была злая матушка.
Злая дѣвота, подколодная, подколодная, подколодная.

Потомъ мнѣ приснилось, что вышло честной вдовы Офимы Александровны передо мной высится зданіе съ фонаремъ у подъѣзда съ надписью: „Городское Самоуправленіе“, что изъ крайняго окна этого зданія высунался „родной батюшка“ Иванъ Антоновичъ, Кувшинное Рыло и подъ его пристальнымъ насмѣшливымъ взглядомъ глупый Иванушка становится все меньше и меньше и, наконецъ, превращается въ какое-то маленькое насѣкомое....
Чортъ знаетъ, что такое!

Но страшнѣе всего было окончаніе этого бессмысленнаго кошмара. Передо мною лежали два безобразнейшихъ царственныхъ трупа, принадлежащіе императору Максимилиану и королю Филиппу II испанскому, на обихъ трупахъ папилилась какая-то мелкая гадина.... Я мгновенно вспоминалъ, что оба монарха погибли отъ ужасной бо-

лѣзни и умерли живою съдѣнные маленькимъ ничтожнымъ насѣкомымъ, которое въ зоологін называется Pediculus tabescentium, вонюю пиявучею!!!

Отчаянный крикъ ужаса застылъ въ моей груди. Я проснулся обитый холоднымъ потомъ. Господи! когда же этому будетъ конецъ?!!!!

Свѣтало. Откуда-то донесся до моего слуха звукъ набатнаго колокола.

Эдухавъ Прогорѣлли.

VI.

Le roi est mort, vive le roi!

Съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщая Васъ, Милостивые государи, что друг мой Эдухавъ Прогорѣлли сибѣ свою лебединую пѣсню, которую при семъ прилагаю. Слабое, давно подточенное мурыстою, здоровье не выдержало потрясающихъ впечатлѣній вечера 17-го ноября. Призванный къ нему утромъ слѣдующаго дня, я напѣлъ большого уже въ безнадѣжномъ состояніи и тотчасъ же помѣстилъ его въ одно изъ земскихъ учрежденій, откуда онъ, благодаря рациональному уходу, благополучно переправился въ лучший міръ. Единственнымъ утѣшеніемъ для Г. Харькова въ этой тяжелой утратѣ можетъ служить лишь то обстоятельство, что безвременно погибшій писатель до конца остался вѣренъ своимъ ученымъ стремленіямъ, оставилъ безцѣнные для науки записки о своихъ предсмертныхъ мысляхъ и покинулъ нашу планету по всѣмъ правиламъ медицинской науки. Миръ его памяти.

Dr. Md. Nicolas-Taux.

